

Н. Долинина

Две девушки

Старый граф Безухой умер. Князь Василий не успел уничтожить его завещание в пользу Пьера и взять все наследство Безухова себе.

Пьер ничего не понял в истории с завещанием — он думал о другом. В этом состоянии непонимания Толстой оставляет его и переносит нас в дом другого екатерининского вельможи, последнего, оставшегося в живых, — генерал-аншефа князя Николая Андреевича Болконского.

О судьбе Пьера мы узнаем в этом доме — из письма, написанного Жюли Карагиной, той самой гостьей-барышней, что приезжала к Ростовым в день именин. Жюли горюет, провожая на войну своих; братьев, и пишет об этом подруге — княжне Марье Болконской, а старый князь Николай Андреевич, вручая дочери письмо, предупреждает:

«— Еще два письма пропущу, а третье прочту... боюсь, много вздору пишете. Третье прочту».

И письмо Жюли, и ответ княжны Марьи написаны по-французски, поэтому, не углубляясь в перевод, мы как-то проскальзываем мимо, а жаль — так ясно видны в этих письмах обе девушки: искренне неискренняя Жюли, каждое слово которой как будто продиктовано Анной Павловной Шерер и проверено княгиней Друбецкой, и чистая, умная, естественная в каждом слове княжна Марья.

«Милый и бесценный друг, какая страшная и ужасная вещь разлука! Сколько ни твержу себе, что половина моего существования и моего счастья в вас, что... сердца наши соединены неразрывными узами... я не могу подавить некоторую скрытую грусть, которую испытываю в глубине сердца со времени нашей разлуки. Отчего мы не вместе, как в прошлое лето, в вашем большом кабинете, на голубом диване, на диване “признаний”?»

Так начинается свое письмо Жюли — и невольно вспоминаются слова старого князя: «боюсь, много вздору пишете...» Мы ведь видели Жюли, видели ее кокетство, ее улыбки, и никакой грусти в ней не было заметно...

Княжна Марья принимает каждое слово подруги всерьез, за чистую монету, но в ответе ее — при том, что он написан почти теми же словами, что письмо Жюли, — в ответе ее виден совсем другой человек.

Прежде всего, она утешает. Утешает бедняжку Жюли, жестоко страдающую в разлуке с ней: «Вы жалуетесь на разлуку, что же я должна была бы сказать, если бы смела, — я, лишенная всех тех, кто мне дорог? Ах если бы не было у нас утешения религии, жизнь была бы очень печальна...»

В ее письме все — правда. Некрасивая (Толстой много раз подчеркнет: некрасивая, даже, жалкая!) одинокая девушка заперта в деревне с глупой француженкой и деспотичным, хотя и любящим отцом, — но она жалеет и утешает Жюли; она выстроила свой душевный замок, строгий и чистый; ее религия — не пустые речи Анны Павловны Шерер о боге, который поможет праведнику Александру I победить злодея Наполеона; ее религия вызывает уважение, потому что бог княжны Марьи — это прежде всего справедливость, ее вера — это прежде всего требовательность к себе: всем другим она прощает слабости, а себе — никогда.

В письме Жюли есть два сообщения, очень важные для обеих подруг: одно — о предполагаемом сватовстве Анатоля Курагина к княжне Марье, и другое — длинное, туманное и нежное — о «молодом Николае Ростове», ибо, по мнению Жюли, между нею и Николаем были отношения, служившие «одною из самых сладостных отрад» ее «бедного сердца, которое уже так много страдало».

И ведь сама верит, бедняжка, тому, что пишет! Николай, польщенный вниманием Жюли и не менее польщенный ревностью Сони, действительно улыбался в ответ на призывные улыбки Жюли, а она вырастила в своем воображении «столь поэтические и столь чистые отношения...» Не торопитесь осуждать ее — нет такой девушки, которая не строила бы воздушных замков на такой же шаткой основе; ничего в этом нет худого — таково свойство молодости.

И княжна Марья не осуждает Жюли: «Почему приписываете вы мне строгий взгляд, когда говорите о вашей склонности к молодому человеку? В этом отношении я строга только к себе...»

Все девушки, читающие «Войну и мир», всегда влюблены в Наташу, всем хочется быть, как она, все льстят себя надеждой, что хоть частица Наташи есть в них, — и это правда, конечно, есть; в каждой молодой, жаждущей жизни, любви и счастья девушке живет Наташа Ростова. Никто не хочет быть, как княжна Марья, с ее некрасивостью и тяжелой поступью, с ее добротой и смирением, с ее жалостью к людям. Но в каждой девушке есть, непременно должна быть и княжна Марья, без этого она превратится в Элен. Княжна Марья, с ее неуверенностью в себе, с ее тайным убеждением, что любовь придет к кому угодно, только не к ней, с глубоко скрытой мечтой о любви, о НЕМ...

Она пишет, что брак есть «божественное установление, которому нужно подчиняться», — она так думает, но в глубине души мечтает не о божественном установлении, а о земной, любви, семье, ребенку — и откуда ей знать сейчас, что Николай Ростов, чей уход в армию сегодня оплакивает Жюли, станет отцом ее детей, ее любимым.

Вот странно: письма девушек очень похожи одно на другое. Казалось бы, тот же возвышенный язык, те же поэтические фразы. Но в письме Жюли — болтовня, легкомыслие, сплетни; в письме княжны Марьи — никакой суетности: душевная чистота, спокойствие и ум. Даже о войне, в которой обе ничего не понимают (только княжна Марья признается в этом, а Жюли — нет), — даже о войне Жюли пишет не своими словами, а теми, какими говорят в гостиных «Дай бог, чтобы корсиканское чудовище, которое возмущает спокойствие Европы, было низвергнуто ангелом, которого всемогущий... поставил над нами повелителем...» Княжна Марья со всей своей верой не вспоминает ни чудовищ, ни ангелов; она знает, что здесь, в деревне, «отголоски войны слышны и дают себя тяжело чувствовать». Она видела рекрутский набор и потрясена горем матерей, жен и детей; она свое думает: «человечество забыло законы своего божественного спасителя, учившего нас любви и прощению обид... оно полагает главное достоинство свое в искусстве убивать друг друга».

Она умна, княжна Марья. И, кроме того, она дочь своего отца и сестра своего брата. Княжна Марья ошибается в Жюли, как Пьер ошибся в Борисе, и еще раньше — Андрей в своей жене, и позже — Наташа в Анатоле... Она молода и неопытна, слишком верит людям и не замечает внутренней фальши красивых слов Жюли, но чувство собственного достоинства не позволит ей схитрить, умолчать, не вступить за человека, которого она уважает.

Жюли пишет о Пьере: «Главная новость, занимающая всю Москву, — смерть старого графа Безухова и его наследство. Представьте себе, три княжны получили какую-то малость, князь Василий ничего, а Пьер — наследник всего и, сверх того, признан законным сыном и потому графом Безуховым... я забавляюсь наблюдениями над переменой тона маменек, у которых есть дочери-невесты, и самых барышень в отношении к этому господину, который (в скобках будь сказано) всегда казался мне очень ничтожным».

Княжна Марья отвечает: «Я не могу разделять вашего мнения о Пьере, которого знала еще ребенком. Мне казалось, что у него было всегда прекрасное сердце, а это то качество, которое я более всего ценю в людях. Что касается до его наследства и до роли, которую играл в этом князь Василий, то это очень печально для обоих... Я жалею князя

Василия и еще более Пьера. Столь молодому быть отягощенным таким огромным состоянием, — через сколько искушений надо будет пройти ему!»

Может быть, даже князь Андрей, умный и взрослый друг Пьера, не понял так отчетливо и с такой болью, какую опасность таит в себе обрушившееся на Пьера богатство, — это поняла одинокая, запертая в деревне княжна Марья, потому что ее отец и брат, ее одиночество и, может быть, тягостные уроки математики научили ее думать, а думает она не только о себе.

Так что же общего между нею и Жюли? Конечно, ничего, кроме детских воспоминаний и разлуки, еще подогревающей прежнюю дружбу. По-разному сложатся судьбы подруг, но уже сейчас нам ясно то, чего обе они не понимают: эти две девушки — чужие друг другу, потому что Жюли, как все в свете, как маленькая княгиня Болконская, довольна собой. Княжна Марья умеет судить себя, сдерживать и ломать себя иногда, в себе искать причины своих неудач — ее сердце готово ко всем чувствам, какие дано испытать человеку, — и она испытает их, в отличие от Жюли.